

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Владимир АТЛАНТОВ:

Совершенства добиться невозможно...

За рубежом Атлантова, ведущего тенора Большого театра СССР, считают «итальянцем» — так идеально подошла ему школа «Ла Скала».

— Навсегда останется загадкой, как могло случиться, что уроженец северного и дождливого нашего города стал обладателем чистейшей воды бельканто! — говорят ленинградцы.

Атлантов родился в семье певцов: мать — сопрано, отец — бас. Детство прошло в театре. Казалось бы, чего лучше!

— Родители не могли оставлять меня одного. Шла война, Ленинград — в блокаде. Никакие книги, даже кинохроника не передают ужаса и одновременно величия блокады. Я, ребенок, уже не боялся смерти. Она была на каждом шагу: люди шли, сидели и вдруг тихо умирали. Лишь когда я вырос, понял героизм мамы, которая все эти 900 дней спасала от голодной и холодной смерти не только меня, но и моего отца.

Вообще наиболее сильной личностью из всех, кого мне довелось встретить в жизни, была моя мать.

Мария Александровна Елизарова, певица русской классической вокальной школы, пела еще с Федором Шаляпиным.

— Критерии, которыми я живу, заложены ею. Ведь мы не только в геном исполнении несем то, что заложено родителями. Родители воздействуют примером, вкусом, взглядами, даже оборотами речи. И я счастлив, что у меня была такая мама.

Владимир напевал все, что пела мама, все, что пел отец. Он знал всех в Кировском театре и в Малом (тогда была одна труппа), с шести лет занимался музыкой и мечтал стать певцом, не особенно на это надеясь. Однажды ему сказали: «У тебя есть голос!» И он бросил дирижерско-хоровое отделение, перешел на вокальное.

— Однако уже на третьем курсе консерва-

тории у меня началась такая серьезная голосовая перестройка, что надо было уходить по профессиональной непригодности. Мне попалась брошюра Э. Карузо «Искусство пения», и я увидел, что великий тенор страдал теми же проблемами. Я последовал его советам и... совсем потерял голос.

Но мне всю жизнь везло с педагогами. Через год в Кировском театре состоялось прослушивание. Я был принят стажером. Спустя несколько месяцев попробовал спеть партию Синодала в «Демоне» и с треском провалился на оркестровой репетиции: так разволновался, что не смог пропеть ничего. Из театра пришлось уйти.

Позже в оперной студии консерватории Атлантов пел Ленского, Альфреда и Хозе, а в 1962 году стал лауреатом Конкурса вокалистов имени Глинки. По окончании консерватории Кировский театр уже сам пригласил его в свою труппу.

Сегодня в Большом театре Союза ССР Владимир Атлантов исполняет все ведущие теноровые партии. Правда, наиболее лирические — Водемон в «Иоланте», Ленский в «Евгении Онегине» — все меньше привлекают певца.

— Дело не только в том, что голос драматизируется. Меняюсь я сам как артист, как личность. Собираюсь петь Лоэнгрина, но хочу «сдвинуть» этот образ в сторону мужественности. Вообще мне по сердцу более суровые, сложные драматургические образы — Отелло, Хозе, Канио. Мир ведь суровее: размышляет, действует, а не созерцает. Но даже Отелло я не могу петь одинаково из года в год. Шекспир — это такая глубина, в которой постоянно что-то находишь. А главное, одна и та же роль в разные годы вызывает и разные требования к себе. Это бесконечный процесс. И совершенства добиться невозможно.

Рад, если публика — свидетель удачи, если после встречи с Отелло, Канио, Хозе, Кавардосси люди становятся счастливыми.

Юрий ЕГОРОВ.